

МУДРОСТЬ УЯЗВИМОСТИ

ПОСЛАНИЕ
ВЕКУ ТРЕВОГИ

АЛАН УОТС

ALAN WATTS

THE WISDOM OF INSECURITY

A MESSAGE FOR AN AGE OF ANXIETY

АЛАН УОТС

МУДРОСТЬ УЯЗВИМОСТИ

ПОСЛАНИЕ ВЕКУ ТРЕВОГИ

«СОФИЯ» 2022

Информация от издательства

Перевод с английского М. Нечаевой

Уотс Алан

Мудрость уязвимости: Послание веку тревоги / Перев. с англ. — М.: ООО «София Медиа», 2022.

ISBN 978-5-907524-54-5

В этой книге философ и писатель Алан Уотс показывает, как в нашу эпоху небывалой тревожности можно познать и принять силу настоящего момента, чтобы жить полноценной, счастливой жизнью. Проводя все время в тревогах о будущем и в сожалении о прошлом, мы забываем наслаждаться сегодняшним днем. Каждый, кто чувствует, что его жизненный курс нуждается в корректировке, найдет в «Мудрости уязвимости» прекрасный путеводитель.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

THE WISDOM OF INSECURITY A Message for an Age of Anxiety Copyright © 1951 by

Pantheon Books, copyright renewed 1979 by Mary Jane Watts

Introduction copyright © 2011 by Deepak Chopra

Этот перевод издан с разрешения Vintage Anchor Publishing, an imprint of the Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC

© ООО «София Медиа», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

[Введение](#)

[Предисловие](#)

[Глава 1. Век тревоги](#)

[Глава 2. Боль и время](#)

[Глава 3. Великий поток](#)

[Глава 4. Мудрость тела](#)

[Глава 5. Об осознанности](#)

[Глава 6. Чудо момента](#)

[Глава 7. Трансформация мировосприятия](#)

[Глава 8. Творческая мораль](#)

[Глава 9. Пересмотр религии](#)

[Об авторе](#)

Магистр религиоведения и доктор богословия Алан Уилсон Уотс лучше всего запомнился читателям как толкователь дзэн-буддизма, в частности, и индийской и китайской философии в целом. Оставшись в стороне от межконфессиональных диспутов, он заслужил репутацию одного из самых оригинальных и «незаезженных» философов XX века. Уотс написал около двадцати книг по философии и психологии религии, которые были переведены на множество языков, в том числе бестселлер «Путь дзэн». Страстный лектор, Уотс регулярно выступал на радио, а в 1960-х годах был ведущим телевизионной программы «Восточная мудрость и современная жизнь». Умер в 1973 году.

Посвящается Дороти

ВВЕДЕНИЕ

Дипак Чопра

Каждая книга — это путешествие. Но эта книга ведет во все места сразу и в то же время не ведет никуда. Начинается она с освещения проблемы тревожности, о которой люди предпочитают не задумываться. Затем автор пробивает бреши в общепринятых убеждениях, с подчеркнутой непочтительностью и дерзким сарказмом обращаясь с самыми сложными, а для многих и священными темами. В довершение всего, будто бы для того, чтобы окончательно выбить читателя из колеи, Алан Уотс предлагает следующий парадокс: чувство уязвимости есть одновременно и признак нездоровья души, и окно, ведущее в невидимую реальность — то единственное место, где можно по-настоящему исцелиться от страха и уязвимости.

Несмотря на все эти кажущиеся недостатки, «Мудрость уязвимости», изданная в 1951 году, немедленно обрела множество восхищенных последователей, и я горжусь быть одним из них.

Будучи как раз в том возрасте, когда Алан Уотс опубликовал эту книгу (то есть около тридцати пяти лет), я почувствовал, что настало время внести коррективы в тот курс, которому следовала моя жизнь. И в Алане Уотсе я нашел лучшего из возможных проводников. Он помог мне отвернуться от материализма и его пустых обещаний. Новый курс вел меня на самую зыбкую и эфемерную почву из всех возможных — в «здесь и сейчас». Только здесь и сейчас, заявляет Уотс, можно постичь опыт реальности во всей его полноте, по-настоящему стать частью этой вселенной. «Если счастье оказывается в вечной зависимости от будущих событий, получается, что мы гонимся за блуждающим огоньком, ухватить который невозможно. И продолжается эта погоня до тех пор, пока пресловутое будущее, и мы вместе с ним, не провалится и не растворится в бездне под названием “смерть”». Очень типичное

для Уотса заявление, крайне амбициозное, предлагающее выход, за который нужно заплатить отказом от всего, что дорого читателю. В послевоенной Америке вся жизнь крутилась вокруг прогресса и была сосредоточена на ослепительном блеске завтрашнего дня. Куда мы направлялись? Сначала к Луне, а затем и к звездам. Чего могли достичь? Всего, что угодно. Что принесет нам успех? Огромные богатства и безграничные удовольствия, которые никто и никогда не сможет у нас отнять. И тут появляется Уотс, назойливый слепень, который заставил нас пробудиться от этого сна. Прогресс оказался фальшивой подделкой, а мечты о прекрасном завтрашнем дне — попыткой убежать от боли, которой мы страшимся сегодня. То, что сегодня повсеместно называют «силой момента Сейчас», было описано Уотсом полвека назад.

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что Уотс был одним из самых выдающихся энциклопедистов своего времени. Он в огромных количествах поглощал труды, посвященные философским, религиозным и научным вопросам. Жадно впитывающая губка с сотней щупалец. Эта небольшая книга была опубликована в 1951 году, в поворотный для Уотса момент его жизни. Он только что развелся с молодой женой и, как следствие, вынужден был отказаться от дела, которое считал своим истинным призванием, — от сана англиканского священника. К тому времени Уотс уже много лет изучал дзэн-буддизм. За годы, проведенные в семинарии, он пытался отыскать способы слить воедино западный мистицизм и восточный. И вот, оказавшись на пороге зрелости, в полном соответствии с канонами, он готов был обрести свое истинное «я». Вот только сделать это он собирался весьма необычным способом, заявив для начала, что никакого «я» не существует. Вечное счастье, поискам которого были так или иначе посвящены все его предыдущие многочисленные труды, достижимо лишь после отказа от своего эго. Оно в любом случае не более чем иллюзия. Эго упрямо отталкивает реальность. Из пустых ожиданий оно создает несуществующее будущее; из воспоминаний, полных сожаления, создает тоже

несуществующее прошлое. Как Уотс формулирует в своей живой, обманчиво простой манере, «завтра и планы на завтра не имеют совершенно никакого смысла, если только вы не находитесь в полноценном контакте с реальностью настоящего момента. Ведь живете вы в настоящем, и только в настоящем». Высказывание, достойное хорошего священника: экспрессивное и оставляет ощущение, что говорящий связан с некой высшей правдой. Но само послание слишком резкое и бесцеремонное, чтобы его можно было озвучить с кафедры англиканской церкви. Представьте себе верующего христианина, лелеющего мысль о рае и втором пришествии Христа, который слышит слова: «Нет иной реальности, кроме реальности настоящего момента. Поэтому, даже если представить, что человек живет вечно, жить ради будущего означает безнадежно и навсегда упустить самую суть жизни». Меткими и сильными ударами Уотс вдребезги разбивает мечты о жизни после смерти и надежду на переход в лучший мир.

На тот момент Уотс говорил в пустыне. Эксцентричный подход к истории западной мысли был приемлем скорее в среде его соотечественников, англичан. Тесные связи с Индией и Китаем привели к тому, что в Англии регулярно появлялись мыслители, пытавшиеся проникнуть в философию веданты и буддизма глубже, чем обычные колонизаторы с узким кругозором. В Америке все было по-другому. Никто не хотел слушать выскочку, который вообразил себя сказочным дудочником и собирался повести своих последователей вперед к духовным истинам (сам Уотс называл себя «конференсье от философии», хотя был, конечно, несравненно большим). Но перебирая в уме аргументы, так дерзко и ярко приводимые им в «Мудрости уязвимости», я вижу не что иное, как бьющую в глаза истину.

Глава «Век тревоги», открывающая повествование, заимствует свое название из известной поэмы У. Х. Одена. В первом же абзаце Уотс обращается к первой благородной истине буддизма: жизнь полна страдания. Уотс благоразумно не упоминает имени Будды. Нет, он разит в самое сердце читателя,

живущего в тени атомной бомбы. Автор задает вечный вопрос, но задает его в духе популярного на тот момент экзистенциализма: неужели человеческая жизнь действительно не более чем короткая, полная хаоса и страданий вспышка, разделяющая тьму, что предшествует рождению, и тьму, которая наступит после смерти? «Мы живем во времена небывалой уязвимости», отмечает Уотс, и наступила эта эпоха после столетия, на протяжении которого последовательно и повсеместно разрушались многие традиционные ценности, в особенности религиозные. Упадок веры повлек за собой две реакции: облегчение от того, что можно сбросить опостылевшие оковы, и беспокойство, что на место здравому смыслу придет хаос. Уотс претендует на то, чтобы проторить третью тропу. Он отмечает, что традиционная вера пала, став жертвой сомнения и тщательного анализа. Это первый признак того, что он приветствует ту уязвимость, которой остальные боятся. И это становится главной мыслью дальнейшего повествования. Ни разу не упомянув восточную философию, что могло бы отпугнуть читателя, Уотс уже познакомил нас с практикой, лежащей в основе всего буддийского учения: трезвое, непредвзятое, лишенное любых предубеждений изучение того, что находится прямо перед глазами.

Сохраняя такого рода открытость навстречу реальному миру, мы находим истину внутри себя. Именно это обещали нам святые и мудрецы всех времен. Там, где Будда отказывался отвечать на вопрос о существовании Бога, Уотс идет дальше и бесстрашно разбивает идолов вдребезги. Он обращается к современной физике, отмечая, что физические доказательства существования Бога так и не были найдены и почти наверняка никогда найдены не будут (опрометчивое предсказание, но как Уотс мог предвидеть появление современных постквантовых теорий, постулирующих вселенную, на всех уровнях пронизанную бесконечным разумом?). Мы не можем заново поверить в старые мифы, как не можем исключительно ради собственного комфорта придумать новые; следовательно, путь самопознания и самонаблюдения остается единственным ра-

зумным выходом для осознанного человека. Отказ от этого пути обрекает на бессмысленное существование, а значит, на погоню за преходящими удовольствиями в попытке спрятаться от боли. Стратегия неудачная, подчеркивает Уотс, и здесь он незаметно для читателя переходит ко второй благородной истине буддизма: удовольствие никогда не сможет исцелить боль, поскольку они тесно связаны.

Итак, кроме устаревших мифов и отчаяния существует еще один способ взаимодействия с реальностью, но он требует настоящей революции в мышлении. Как ни парадоксально, такой третий путь подразумевает возврат к понятиям, от которых изначально нужно было отказаться, чтобы на этот путь вступить. «Реальность, которую обозначают слова “Бог” и “вечная жизнь”, конкретна, лежит на поверхности, чуть ли не осязаема и доступна каждому. Но чтобы увидеть ее, нужно “подкорректировать” мышление, как иногда делают “коррекцию” зрения, чтобы человек лучше видел». Уотсу понадобилось два десятка страниц, чтобы прийти к этому утверждению, с которого на самом деле только начинается его повествование. Но его простой, прямолинейный, очень терпеливый стиль изложения создает совершенно особенную атмосферу: читатель забывает о том, что изначально мог быть не согласен с выдвинутыми аргументами. Для автора книги это поистине бесценное умение, и Уотс владеет им блестяще. Он берет какую-нибудь выразительную истину из Упанишад — например, о том, что страх рождается из раздвоенности ума, — и создает целую главу, в которой искусно описывает, как бесхитростно испытывают боль животные и насколько те же условия бывают чудовищными для людей, живущих во мраке постоянной тревоги, которая есть результат раздвоения «я».

Я вовсе не пытаюсь сказать, что «Мудрость уязвимости» — это буддизм для начинающих. Это нечто гораздо большее. Уотс ни на минуту не забывает о том, что он пишет об очень сложных вещах, а основная мысль о том, что индивидуального эго на самом деле не существует, остается главной на протяжении всего повествования. Отражая внутренний раскол, мы

искусственно разделили свою реальность на опыт внешний и внутренний. И мы свыкаемся со своей разобщенностью, забывая, что реальность одна. Вселенная — единый процесс, происходящий внутри сознания («великий поток»), и лишь полноценно погрузившись в этот поток, мы обретаем возможность самопознания. Мы не можем опереться на «внешний» опыт, потому что события сменяют друг друга непрерывно и вырваться из этого потока нельзя. Само время есть изобретение неутомимого ума, и пространство тоже изобретено умом, чтобы ему было где блуждать. На самом деле не существует никакого пространства вне умозрительной конструкции, которая, как любая искусственная конструкция, рано или поздно становится тюрьмой. Такие идеи сложно принять; еще сложнее начать действовать соответственно.

Стратегию, к которой прибегает Уотс для достижения этой цели, вряд ли можно назвать буддийской. Она восходит к древнейшим прозрениям ведических ясновидцев: нужно исключить то, что не реально. Оставшееся и будет реальностью. Подход простой, но безжалостный. Ведь огромное количество вещей мы воспринимаем как реальность, а на деле они не более чем символы: «Мысли, идеи, слова — все это “ярлыки” настоящих вещей. Они *не являются* этими вещами сами по себе». Но тогда зачем вообще писать книги? Потому что слова способны указать направление; они способны заново озарить упущенные и позабытые вспышки прозрения; они разжигают пламя недовольства. Все это делает Уотс в своей книге в свойственной ему зачаровывающей читателя манере. При этом он прекрасно осознаёт, что карта — совсем не то же самое, что местность, которая на ней изображена. За авторитетными заявлениями скрывается такой же ищущий человек, ничем не отличающийся от читателя, и в своем поиске он так же уязвим.

Уотс, как и все мы, не сумел избежать тюрьмы раздробленного «я»; он осознаёт, что освобождение ему принесет не обычный опыт нашего мира, а нечто, находящееся

за пределами времени, что, за неимением лучшего слова, мы называем пробуждением.

Парадокс пробуждения — я сейчас имею в виду обычное пробуждение, которое произошло со мной и с вами этим утром, — заключается в том, что, с одной стороны, его нельзя совершить произвольно, а с другой — оно неизбежно. Это же справедливо и для пробуждения духовного. Нельзя пробудить себя при помощи желания, молитвы, медитации; пробуждение не получится вызвать насильно; его невозможно выпросить или вымолить. Осознать, что ты спишь, — и то сложно. Но даже самое крошечное зернышко осознанности непостижимым образом намекает на иную реальность. Как в этой, так и во всех других своих книгах Уотс обращается к этому зернышку сомнения с безграничным благоговением. Он описывает ум как противоречивую попытку убежать от себя и найти себя одновременно. Любой духовный путь оканчивается замыканием этого круга. Испуганный ум, бегущий от ужасов повседневной жизни, встречается с умом, жаждущим оказаться в лучшем мире. Когда эти два состояния ума встречаются, иллюзия оказывается полностью исчерпанной; ум теряет возможность обманывать самого себя.

В этот момент не происходит встречи с Богом, никто не переносится в рай. Происходит кое-что получше: человек обретает целостность. Он исцеляется от внутренней раздробленности. После того как ум перебрал все возможные страхи и отказался от всех возможных надежд, он успокаивается и входит в состояние осознанности, которое невозможно ни описать, ни даже представить. Это конец пути. Увы, «Мудрость уязвимости», как и любая другая книга, посвященная поискам истины, не может преподнести читателю этот итог исканий на блюдечке. Единственное, что может книга, — это очертить символический круг для поиска, и Алан Уотс справляется с этой задачей блестяще. Любой, кто чувствует, что его жизненный курс нуждается в корректировке, найдет в этой книге прекрасный путеводитель. Лично я продолжаю руководствоваться ею и сегодня, по прошествии тридцати лет.